

церкви, поэтому-то появляется онъ большею частью тамъ, гдѣ собирается народъ по случаю церковнаго торжества. Поэтому-то, наконецъ, калика временъ кievскаго періода, по уставу, приписываемому (хотя и ошибочно) самому святому Владимиру, калика—человѣкъ церковный; отъ этого калики идетъ по традиціи и нашъ „калика“-слѣпецъ. Теперь „калика“-слѣпецъ все еще въ большинствѣ случаевъ не забавникъ, а носитель серьезнаго, религіознаго, божественнаго. Такъ и самъ онъ смотритъ на себя, внося въ свой репертуаръ рядомъ съ духовнымъ стихомъ и прямо одинъ изъ его источниковъ: церковное пѣнопѣіе; онъ и его исполняетъ на напѣвъ духовнаго стиха, сопровождаетъ пѣіе игрой на „лирѣ“, если таковыя въ ходу въ той мѣстности, гдѣ онъ поетъ или откуда онъ вышелъ (на сѣверѣ „лиры“ въ большинствѣ случаевъ уже нѣтъ). Таковъ типъ калики-слѣпца въ нашей средѣ. Эти историческія черты калики могъ я провѣрить отчасти, а отчасти и дополнить по живому экземпляру, Григорію Артамонову, съ которымъ я познакомился лѣтомъ прошлаго года въ іюль въ с. Капустинѣ, Курской губ., Рыльского уѣзда. Этотъ слѣпецъ найденъ мною въ 7—8 верстахъ въ дер. Чупахиной (теперь сельцѣ, съ тѣхъ поръ какъ построена тамъ церковь, приписанная къ сосѣднему селу Киселевкѣ) на храмовомъ праздникѣ Одигитріи. Меня нѣсколько заинтриговала его молодость; затѣмъ я узналъ, что онъ не пришлый, а мѣстный уроженецъ, такъ сказать, произведеніе туземное, а это опять давало надежду почерпнуть больше фактовъ и для его языка и для характеристики здѣшней народной пѣсни, а его характеристику позволяло сдѣлать болѣе опредѣленной. Я, дѣйствительно, не ошибся въ выборѣ: Григорій Артамоновъ, явившійся съ поводыремъ Степкой, мальчикомъ лѣтъ 10-ти, черезъ день (по окончаніи праздника), оказался интереснымъ, толковымъ, а затѣмъ очень простымъ человекомъ. Сначала онъ какъ будто опасливо относился къ разпросамъ, какъ онъ самъ признавался потомъ, боялся, не вышло-бы чего; да и чудно ему было, по его словамъ, что баринъ заинтересовался такъ; положимъ, его звали и раньше, по его рассказамъ, въ с. Ивановское къ управляющему кн. Барятинскаго ¹⁾, заставляли пѣть и сказывать стихи, что-то записывали, да

¹⁾ Курской же губ., Льговскаго уѣзда.